

Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 44.

3 Ноября.

Цѣна съ пересылкой

ВЫХОДЯТЪ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

$\frac{1}{4}$ р. 50 к.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

НОВГОРОДЪ.

Отдѣльно № 10 к.

Редакція «Епархіальныхъ
Вѣдомостей»

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Резолюціей Его Высокопреосвященства, отъ 28-го октября 1906 года за № 5798, вновь назначенный священникъ въ Троицкую Медвѣдскую церковь, Новгородскаго уѣзда, Иванъ Мысловскій, за усердную и полезную его службу въ должности надзирателя за учениками Старорусскаго духовнаго училища, награждается набедренникомъ.

Преподается Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе.

Старостѣ Котловановской церкви, Валдайскаго уѣзда, землевладѣльцу Петру Любимову, за пожертвованіе имъ на благоукрашеніе храма ста рублей.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

Діаконъ на вакансіи псаломщика Спасопреображенской церкви города Боровичъ Петръ Быстровъ назначенъ на вновь открытую вакансію діакона къ Болоненской церкви, Боровичскаго уѣзда, 24 октября сего года.

На псаломщическое мѣсто къ Спасопреображенской церкви города Боровичъ назначенъ 25 октября сего года бывшій воспитанникъ Новгородской духовной семинаріи Владиміръ Финиковъ -- и. д. псаломщика.

И. д. псаломщика Соровской церкви, Кирилловскаго уѣзда, Василій Ольховскій 28 октября сего года переведенъ на псаломщическое мѣсто къ Желобовской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда.

Праздныя вакансіи.

Діаконскія: при Мценской церкви—Устюжнаскаго уѣзда, при Пашекожельской церкви, Тихвинскаго уѣзда, и при Прокопьевско-Бѣльской церкви, Боровичскаго уѣзда.

Псаломщическія: при Петропавловской церкви города Старой Руссы и при Соровской церкви, Кирилловскаго уѣзда.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Имперіи кружечнаго церковнаго сбора въ Новгородскую Духовную Консисторію въ теченіе октября сего года поступило:

Отъ церквей 5 Устюжнаскаго округа 1 р. 90 к., 3 Крестецкаго округа 15 р. 60 к., 1 Кирилловскаго округа 5 р. 12 к., 2 Новгородскаго округа 19 р. 61 к., 8 Новгородскаго округа 9 р. 26 к., 6 Устюжнаскаго округа 7 руб. 61 коп., 5 Боровичскаго округа 3 р. 30 к., 7 Новгородскаго округа 8 р. 13 к., 7 Череповскаго округа 1 р. 51 к., 6 Череповскаго округа 3 р. 18 к., 3 Бѣлозерскаго округа 1 р. 25 к.,

2 Боровичскаго округа 6 р. 26 к., Успенскаго Валдайскаго монастыря 2 р. 5 к., Тихвинскаго Большаго монастыря 5 р., 61 к., Николо-Бесѣднаго монастыря 1 р., Антоніе-Дымскаго монастыря 1 р. 50 к., Отъ Троицкой Реконской пустыни 1 р., Введенскаго женскаго монастыря 89 к., Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 4 р., Устюжнаскаго Моденскаго монастыря 4 р. 37 к., Настоятеля Устюжнаскаго Моденскаго монастыря игумена Іоасафа 3 р., Воскресенскаго Горицкаго монастыря 1 руб.

Итого 107 р. 15 к.

Редакторъ официальной части

Секретарь Консistoriи Д. Андреевъ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

У креста Христова *).

Когда Господь Іисусъ Христосъ, послѣ Тайной Вечери, былъ взятъ врагами въ саду Геосиманскомъ, то ученики Его, какъ свидѣтельствуесть Евангеліе, *все оставльше Его бѣжаша* (Мѣ. XXVI, 56). Бѣжалъ Андрей, первымъ нѣкогда послѣдовавшій за Христомъ. Бѣжалъ Іаковъ, видѣвшій воскресенія мертвыхъ и славу преображенія. Оставилъ Симонъ, за исповѣданіе Іисуса Христомъ, Сыномъ Бога Живаго прозванный Петромъ — скалою (Мѣ. XVI, 15—18) и еще недавно съ горячностью увѣрившій, что со своимъ Учителемъ онъ готовъ даже на смерть (Мѣ. XXVI, 35). Оставилъ и ученикъ, *его же любяше Іисусъ* (Іоан. XIX, 26; XXI, 7, 20), тотъ самый ученикъ, который только что возлежалъ на Вечери на персяхъ Его (Іоан. XIII, 23—26) и слышалъ изъ устъ Его тайну предательства — Іоаннъ Зеведеовъ. Петръ скоро три раза съ клятвою отрекся отъ Господа и Учителя своего, божился, *что не знаетъ сею чловѣка* (Мѣ. XXVI, 74), а что было съ Іоанномъ въ часы суда надъ Христомъ, что чувствовалъ любимый ученикъ въ то время, когда его Учителю плевали въ лицо, били по ланитамъ, неизвѣстно; Евангеліе умалчиваетъ о семъ и вѣроятно по той причинѣ, что самъ Іоаннъ былъ молчаливымъ только свидѣтелемъ униженія

*) Слово въ день Ап. и Ев. Іоанна Богослова, сказанное въ Антоніевомъ монастырѣ за литургіей 26 сентября 1906 г.

Господа во дворѣ архіерейскомъ и страха ради іудейскаго ничѣмъ не проявилъ своихъ чувствъ къ Нему.

Но вотъ судъ кончился. Божественный Учитель приговоренъ къ позорной казни и уже распятъ на крестѣ, какъ злодѣй, среди разбойниковъ. Тутъ сердце Іоанново не вытерпѣло: забывши всякій страхъ, оставивши ложный стыдъ, движимый любовью къ Христу, онъ пришелъ на Голгоѳу и—сталъ у креста. Сталъ у креста! Величіе подвига Іоаннова, выраженнаго этими двумя словами, для насъ, знающихъ и видѣвшихъ Христа во славу вѣковъ, трудно постижимо, но мы можемъ нѣсколько понять его, если представимъ себѣ, что тогда совершалось на Голгоѳѣ. Оставленный всѣми, преданный ученикомъ, осмѣянный за Свое ученіе, обвиненный въ богохульствѣ (Мѡ. XXVI, 65—66), въ развращеніи народа (Лк. XXIII, 2), приравненный явнымъ разбойникамъ, униженный, избитый, обезчещенный—истекалъ на крестѣ кровью Іисусъ Назорей, а толпа праздныхъ людей, пришедшихъ на позоръ, потѣшалась и глумилась надъ Мученикомъ: *сойди со креста!*.. Нужно имѣть много нравственной силы, много вѣры въ Распятаго, чтобы не убѣжать тогда съ Голгоѳы, не скрыться туда, гдѣ не видно Его страданій, не слышно Его вопля: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ?* (Мѡ. XXVII, 46). Нужно было горѣть любовью ко Христу, чтобы не разлучиться тогда съ Нимъ!..

Іоаннъ не могъ, не въ состояніи былъ уйти съ Голгоѳы: онъ какъ бы самъ былъ прикованъ ко кресту, какъ бы его руки и ноги пронзены были гвоздями вмѣстѣ съ пречистыми руками и ногами Учителя. И это состраданіе Христу, вмѣщеніе въ себя Его скорбей было въ Іоаннѣ столь сильно, столь глубоко, что Божественный Страдалецъ Самъ поставилъ его на мѣстѣ Себя, замѣнилъ Себя въ отношеніи къ Своей Матери. Когда праздная толпа, насытившись кроваваго зрѣлища, достаточно насмѣявшись надъ Христомъ, разошлась по домамъ и у креста осталась только стража, да лица близкія Іисусу—Пречистая Мать Его, двоюродная сестра Матери Его—Марія Клеопова и беззавѣтно любившая Его ученица—Марія Магдалина, Господь, посмотрѣвъ на Мать и ученика, стоящаго тутъ, сказалъ Ей: *Жено! се, сынъ Твой*, а ему: *се, Мать Твоя!* И съ того времени, замѣчаетъ евангелистъ—самъ Іоаннъ, *ученикъ сей взялъ Ее къ себѣ* (Іоан. XIX, 25—27) и имѣлъ сыновнее попеченіе о Дѣвѣ до самого Ея честнаго успенія, до преселенія Ея къ сладчайшему Своему Чаду на небо.

Сталь у креста Іисуса Іоаннъ... Кто изобразить намъ, что тогда пережилъ возлюбленный ученикъ Христовъ, что онъ передумалъ, перечувствовалъ въ сердцѣ своемъ, видя постепенное умираніе Господа?! Но вотъ *совершилось!* Воскреситель мертвыхъ, вызвавшій изъ гроба четверодневнаго Лазаря, уже разлагавшагося, Самъ испустилъ духъ, въ мертвецѣхъ вмѣнился въ вышнихъ Живый... Солнце померкло и среди бѣлаго дня стало темно, какъ ночью! Земля, испугавшись смерти Творца своего, вздрогнула и затряслась такъ, что камни распадались... А Іоаннъ все былъ при крестѣ!

Къ вечеру того дня, когда смятеніе природы улеглось, пришли на Голгоѣу войны и стали пребывать голени распятымъ, чтобы ускорить ихъ смерть. Іоаннъ видѣлъ, какъ войны, пришедши къ Іисусу и найдя Его уже умершимъ, не пребили Ему голеней, но одинъ изъ нихъ ударилъ Его копьемъ въ ребра и какъ изъ раны потекла кровь и вода. Онъ хорошо замѣтилъ это и послѣ записалъ въ своемъ Евангеліи, какъ сбывшееся пророчество, какъ повторенное предреченіе, что отсель взоры людей обратятся на крестъ и къ Распявшемуся на немъ: *воззрятъ на нъ, Еюже прободоша* (Іоан. XIX, 32—37; Зах. XII, 10).

Но какое значеніе въ жизни Св. Ап. Іоанна Богослова имѣло это стояніе при крестѣ Спасовѣ? Почему въ дни памяти его Церковь всегда напоминаетъ намъ объ этомъ событіи?

Пребываніе Іоанна на Голгоѣѣ въ часы страданій и смерти Господа Іисуса было не только подвигомъ его любви къ Христу, но и началомъ его внутренняго духовнаго обновленія или, говоря его словами, *рожденія отъ Бога*. Любовь ко Христу, въ которой уже не было страха іудейскаго (ср. 1 Іоан. IV, 18), привела Іоанна на Голгоѣу, когда естественнѣе было бѣжать отъ нея, чтобы не видѣть ея ужасовъ. Любовь заставила его стоять при крестѣ, когда колебались самые кресты отъ трясенія земли. Она то и произвела въ немъ чудную перемѣну: его сердце не сжималось отъ страха, а расширялось состраданіемъ, его умъ не помутился отъ омраченія солнца, а озарялся лучами Божественнаго Свѣта!.. Вдругъ Іоаннъ почувствовалъ и постигъ, насколько возможно человѣку, тайну существа Божія, понялъ, что *Богъ есть любовь* (1 Іоан. IV, 16) и что явленіе Слова жизни во плоти, Его уничиженіе и крестъ—есть дѣло безконечной любви Божіей къ роду человѣческому. *Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй во-нъ не пошбнетъ, но имать животъ*

вѣчный (Іоан. III, 16; 1 Іоан. IV, 9-10). Вдругъ Іоаннъ понялъ, что *Слово стало плотію и обитало съ нами* (Іоан. I, 14), чтобы насъ обожествить и чрезъ сближеніе съ Нимъ по духу усыновить Отцу Небесному по благодати и истинѣ. *Видите, всскалицаетъ Іоаннъ, какову любовь далъ есть Отецъ намъ, да чада Божія наречемъ и будемъ* (1 Іоан. III, 1)!..

Такимъ образомъ въ страданіяхъ Іоаннъ уразумѣлъ тайну Божественной жизни, чрезъ крестъ, на которомъ умеръ Единородный Сынъ Божій, онъ прозрѣлъ въ будущемъ великое множество чадъ Божіихъ и съ Голгоѣы открылся ему величественный путь вѣчнаго спасенія, путь, приводящій насъ къ Богу. Причастниками истинной вѣчной жизни мы становимся только чрезъ познаніе Единого Истиннаго Бога и Единороднаго Сына Его Іисуса Христа (Іоан. XVІІ, 3), а познать Бога можно только любовью къ Богу и неотдѣльною отъ нея любовью къ людямъ, въ которыхъ Онъ, Невидимый, отпечатлѣлъ образъ Свой и которыхъ возлюбилъ до конца (Іоан. XIII, 1), до положенія души Своей за нихъ (Іоан. XV, 13).

Возлюбленіи, возлюбимъ другъ друга, яко любви отъ Бога есть, и всякъ любяй отъ Бога рожденъ есть и знаетъ Бога, а не любяй не позна Бога, яко Богъ любви есть (1 Іоан. IV, 7—8)! Вотъ путь богопознанія и путь обновленія всего человѣчества, претворенія людей изъ рабовъ грѣха и діавола въ свободныхъ чадъ Божіихъ.

Но какъ намъ встать на этотъ путь? Какъ пріучить себя идти по нему? Какъ родиться намъ отъ Бога и усовершенить свои познанія о Немъ?!

Для этого намъ нужно встать у креста Христова, какъ нѣкогда стоялъ у него Апостоль Іоаннъ Богословъ, и воспріять на себя страданія, муки Христовы, ибо всякое рожденіе въ болѣзняхъ и мукахъ совершается. Намъ нужно встать у креста, но не для того, чтобы покивать главами своими и глумиться надъ Распятымъ: вѣдь были и такіе на Голгоѣѣ, и не для того, чтобы равнодушно, съ холоднымъ сердцемъ смотрѣть на мученія Его: вѣдь это только усилить и безъ того тяжкія страданія Божественнаго Мученика. Намъ нужно тужить и плакать у креста не о Немъ, а о себѣ!.. Стой и созерцай—какъ за меня и за тебя голова Его исколота терніемъ, какъ за меня и за тебя пречистое лицо Его заплевано и избито, какъ за меня и за тебя руки и ноги Его пронзены гвоздями, какъ за меня и за тебя, спасая насъ и весь міръ, Онъ истекаетъ кровію!.. Почув-

ствуй все это искренно, глубоко въ сердцѣ своемъ, и ты сразу почувствуешь, какъ загорается въ тебѣ любовь къ Спасителю, какъ зачинаются въ тебѣ новыя чувства — смиренія, жалости, состраданія и любви къ тѣмъ, за кого Онъ страдаетъ!.. Это и будетъ началомъ твоего духовнаго обновленія, рожденія отъ Бога, и поскольку ты будешь стоять предъ крестомъ вѣрнымъ ученикомъ Христовымъ, т. е. укрѣпляться въ чувствахъ смиренія, кротости и любви ко всѣмъ, желанія пострадать даже за враговъ своихъ, по примѣру Христова, постольку Онъ, со незаконными вмѣненнѣй, уничиженнѣй и поруганнѣй, откроется тебѣ какъ Царь славы, какъ Любовь, какъ Радость Ангеловъ, постольку въ тебѣ и чрезъ тебя засіяетъ въ людяхъ присносущій свѣтъ Его!..

Вамъ, возлюбленные юноши, какъ соученикамъ Богослова, какъ будущимъ соработникамъ Апостоловъ на нивѣ Христовой, въ особенности необходимо проникнуться такими крестными чувствами. Если всякій христіанинъ долженъ жизнь свою идти подъ крестомъ по стопамъ Христовымъ (Мр. VІІІ, 34), распять свою плоть со страстями и похотями (Гал. V, 24), то пастырю Христова стада необходимо *сораспяться Христу* (Іоан. П, 19), чтобы жилъ въ немъ и дѣйствовалъ Христосъ. Вѣдь истинное пастырство въ сущности есть *постоянное стояніе у креста Христова*, и не въ смыслѣ только внѣшняго созерцанія на престолѣ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, и Животворящей Крови Его новаго завѣта, но въ смыслѣ внутренняго пригвожденія ко кресту, душевнаго мученія и болѣзней за спасеніе тѣхъ, за кого Онъ принялъ язвы, въ смыслѣ истощенія жизни, *умиранія по вся дни* (1 Кор. XV, 31) за паству свою.

Только тотъ есть истинный пастырь, кто, вмѣстѣ съ великимъ Апостоломъ Павломъ, можетъ сказать: *азъ язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу* (Гал. VI, 17) и только тотъ достойный кандидатъ священства, способный познать Бога, чьему сердцу близки, понятны страданія Христовы, кто съ любовью взираетъ очами вѣры на Голгоѳу и Крестъ!.. Аминь.

Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Серій*.

Зачѣмъ страданіе?

Зачѣмъ страданіе? Вотъ первый страшный вопросъ человѣка, пораженнаго недугомъ, убитаго смертью отца, матери, ребенка. Изъ души человѣка вырывается одинъ крикъ: *зачѣмъ?* Онъ ста-

новится молчаливъ. Его взглядъ замираетъ. Онъ словно старается разсмотрѣть что-то въ пропасти, гдѣ погребено его счастье. Потомъ время отъ времени онъ подымаетъ голову. Онъ съ мольбою смотритъ на своихъ друзей и повторяетъ все одно и то же слово, потому что у страданія только одинъ вопросъ: зачѣмъ? зачѣмъ? О, скажите мнѣ: зачѣмъ?

Увы! Зачѣмъ? Кто знаетъ? Ни наука, ни философія не дадутъ на это отвѣтъ, даже дружба. И ея слово бессильно. Когда друзья Іова увидѣли его подъ гнетомъ величайшихъ несчастій, они просидѣли около него 7 дней въ нѣмомъ молчаніи, не смѣя открыть рта, не зная, какъ его утѣшать. И Виргилій, описывая гибель Трои, рисуетъ намъ женщинъ, сидѣвшихъ на берегу моря, недвижимыхъ, безмолвныхъ, съ глазами, полными слезъ, со взоромъ, неподвижно устремленнымъ на волны. Такимъ бываетъ человѣкъ подъ гнетомъ страданій.

Когда эти великіе образы въ первый разъ прошли передъ моими глазами, я былъ очень молодъ. Я помню, что ихъ тогда не понималъ. Я ихъ нашелъ преувеличенными. Мнѣ казалось невозможнымъ такое долговременное молчаніе. Но впоследствии я самъ чувствовалъ, какъ молчаніе сковывало мои уста. Я самъ узналъ это тяжкое ощущеніе, когда даже не смѣешь открыть рта, слишкомъ ясно сознавая, что это бесполезно, что не удастся утѣшить.

Пусть же, если есть гдѣ-нибудь сила, которая можетъ утѣшить, — пусть она придетъ! Пусть она нѣжно подложитъ руку подъ голову страдальца и прошепчетъ на ухо нѣсколько тѣхъ словъ, которыя не умѣетъ сказать сама дружба. Если она можетъ, пусть она отвѣтитъ на эти вопросы страданія: зачѣмъ? зачѣмъ? — вопросы, на которые нѣтъ отвѣта на землѣ, даже въ сердцѣ тѣхъ, кто горячо любитъ.

Къ чему страданія? Почему страданія, если мы живемъ подъ властью милосерднаго Бога? Я однажды предложилъ этотъ вопросъ одному старику, и не забуду никогда того выраженія, съ которымъ онъ мнѣ отвѣтилъ: „Именно потому, мой другъ, что благъ Господь“. Я тогда былъ готовъ возмутиться. Теперь я не возмущаюсь и говорю: можетъ быть!

Иначе вѣдь Ты былъ бы жестокъ, Господи! Ты создалъ человѣка. Онъ Твой ребенокъ. Ты его любишь, такъ какъ иначе зачѣмъ бы Ты создалъ его! Ты великъ, необъятенъ, безконеченъ. Человѣкъ слабъ. Онъ живетъ только на мгновенье, — и неужели Тебѣ было бы пріятно угнетать его! Я, даже я, не могъ бы

сдѣлать вреда ребенку. Я чувствую себя для этого слишкомъ сильнымъ. Мнѣ было бы совѣстно злоупотреблять своимъ преимуществомъ. Какое же кощунство воображать, что Ты можешь злоупотреблять Твоимъ всемогуществомъ, Господи, поражая насъ безъ цѣли, безъ причинъ, равнодушно оставляя насъ на волю роковыхъ законовъ, которые насъ давятъ! Боже, неужели Ты когда-нибудь создалъ душу для чего-нибудь иного, какъ не для счастья? И, если Твоя рука болѣзненно прикасается къ этой душѣ, не надо ли тогда, павши ницъ, исповѣдать, что Ты дѣлаешь это изъ милосердія, только съ какимъ-нибудь таинственнымъ намѣреніемъ, которое когда-нибудь станетъ для насъ яснымъ?

Я слышу горячее возраженіе нѣсколькихъ лицъ. Имъ кажется невыносимымъ парадоксомъ моя мысль о томъ, что страданія и горе въ этой жизни происходятъ отъ Божественнаго милосердія.

Возможно ли нарочно, по обдуманному намѣренію, заставить страдать нѣжно любимое существо? И даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно ли заставлятъ страдать его тѣмъ больше, чѣмъ больше его любишь?

Въ этомъ весь вопросъ.

Вотъ, ребенокъ играетъ на краю пропасти. Онъ хочетъ сорвать цвѣтокъ, поймать бабочку. Онъ наклоняется надъ пропастью и сейчасъ въ нее упадетъ. Вдругъ двѣ сильныя руки его схватываютъ тѣмъ стремительнѣе, чѣмъ онъ нѣжнѣе. Онъ кричитъ и отбивается. Откуда же нашло на него это страданіе? Ясно, что изъ любящаго сердца его матери.

Взгляните на другого ребенка. Онъ играетъ съ ножомъ и сейчасъ себя ранитъ. Но тутъ приходитъ отецъ его, бранитъ его, вырываетъ у него ножикъ, иногда при этомъ наказываетъ его, чтобы больше не повторялась опасная забава. Ребенокъ кричитъ, а про себя обвиняетъ отца. Но впоследствии онъ благодаритъ его.

Предъ нами больной ребенокъ. Его мать беретъ его на руки и подноситъ его къ ножу хирурга. Ребенокъ кричитъ. Онъ отпихиваетъ доктора. Онъ хочетъ бить свою мать. Но кто же скажетъ, что въ эту минуту мать проявила надъ своимъ ребенкомъ жестокость? Ребенокъ можетъ сказать это подъ вліяніемъ боли. Но мы смотримъ на дѣло инымъ, болѣе широкимъ взглядомъ. Мы сочувствуемъ — кому? Ребенку? Да. Но еще болѣе

матери. Я знаю, что въ этомъ случаѣ ея сердце терпитъ большую муку, чѣмъ его сердце.

Примѣните къ Богу то, что кажется столь прекраснымъ на землѣ, такимъ свѣтлымъ, когда всматриваешься въ заботы матери о своемъ ребенкѣ, и вы поймете—зачѣмъ страданіе. Безъ сомнѣнія, если вы не вѣрите въ Бога; если вы не сознаете, что мы созданы для Него и всѣ идемъ къ Нему; если вы смотрите на этотъ обширный міръ, какъ на арену, гдѣ сражаются между собою роковыя силы: тогда страданіе не имѣетъ смысла. Вамъ остается только молча питаться вашимъ горемъ, не безпокою вашими криками ни людей, которые вамъ ничѣмъ не помогутъ, ни небо, для васъ пустое. Наказаніе жить безъ Бога состоитъ въ страданіи безъ утѣшенія.

Но выйдите изъ этого темнаго корридора. Встаньте на чистомъ воздухѣ, оглянитесь вокругъ при яркомъ свѣтѣ религіи. Вѣрьте въ Бога: Бога премудраго, всемогущаго, всеблагого; Бога, Который создалъ людей для Себя, Который далъ имъ пожить мгновеніе во временной жизни, чтобы они сдѣлались достойными вѣчности, чтобы ихъ разумъ, ихъ сердце, воля — ихъ личность, — ихъ привязанности были дѣйствительно созданиемъ ихъ собственныхъ усилій. Вѣрьте въ Бога. Вѣрьте, что Онъ, въ то время какъ люди, Его дѣти, работаютъ надъ этимъ великимъ дѣломъ, — надъ ними наблюдаетъ, имъ помогаетъ, удаляетъ отъ нихъ опасности, подымаетъ и вдохновляетъ ихъ проходить по землѣ, не прилѣпляясь къ ней, проходить черезъ міръ, не ограничивая себя міромъ, не принижая и не извращая себя для міра. Вѣрьте во все это, и вы начнете понимать, озаренные Божественной искрой, откуда приходитъ страданіе и отчего Богъ его допускаетъ.

Богъ создалъ этотъ міръ. И съ намѣреніемъ создалъ его слишкомъ узкимъ для насъ, такъ что мы не можемъ двигаться въ немъ безъ того, чтобы не страдать, чтобы не наткаться всякую минуту на границу, на преграды, о которыя мы разбиваемся: съ намѣреніемъ, чтобъ эти преграды заставляли насъ желать лучшаго. Но я не знаю, могъ ли Онъ устроить это иначе. Когда настанетъ наша жизнь въ вѣчности, мы будемъ ликовать на свободѣ. Тамъ не будетъ ни границъ, ни преградъ, ни ограниченій, ни конца. Одно невыразимое счастье, одно незаходимое счастье. А здѣсь, какъ бы Богъ ни устроилъ этотъ бѣдный міръ, онъ не могъ не быть слишкомъ тѣснымъ для насъ. Человѣческая душа не могла, понавъ въ него, не страдать; не могла

покоится на этомъ Прокрустовомъ ложѣ *), не находя его слишкомъ тѣснымъ, не могла расправить свои крылья, не чувствуя себя въ неволѣ.

Вотъ какова земля. Такою создана она была для нашего испытанія, для того, чтобы подъ непрерывнымъ гнетомъ ея мы воздыхали болѣе о свободныхъ краяхъ, о безграничныхъ горизонтахъ.

Представьте себѣ существо, которое вмѣсто того, чтобы распахнуть свои крылья, свертываетъ ихъ, вмѣсто того, чтобы подняться въ высоту, добровольно стелется по землѣ, которое не находитъ это Прокрустово ложе слишкомъ узкимъ и, наоборотъ, привыкаетъ къ нему и чувствуетъ себя свободно. Представьте себѣ горнаго орла, не только не изнывающего въ тѣсной клѣткѣ, въ которую его заключили, но любующагося прутьями этой клѣтки, потому что они сдѣланы изъ серебра или золота и выкрашены въ яркую голубую или зеленую краску. Представьте себѣ бессмертное существо, которое не развиваетъ въ себѣ своихъ безконечныхъ силъ, но крѣпко пристаётъ къ землѣ, все уходитъ въ земную жизнь и стоитъ подъ грозною опасностью дойти до безчестія, до гибели. Какъ же Богу не придти на помощь? Если человѣкъ не чувствуетъ узкихъ границъ земли, какъ же Богу не придвинуть его къ этимъ границамъ, чтобы онъ ихъ почувствовалъ? Какъ не дать ему горя, чтобы онъ поднялъ голову къ небу? Какъ не вырвать ножа изъ рукъ этого ребенка, если онъ играетъ съ безумнымъ легкомысліемъ на краю пропасти? Почему Богу могучимъ порывомъ отцовской руки не унести его отъ этой пропасти, въ которую онъ сейчасъ упадетъ? Почему, наконецъ, если человѣкъ боленъ, Богъ, Который для него отецъ и мать, не отдастъ его въ руки хирурга? И почему человѣкъ, послѣ такихъ дѣйсвій надъ нимъ Божіей воли, сперва оглушенный страданіемъ, ослѣпленный своими слезами, не воскликнетъ потомъ: „Отецъ, Ты поступилъ хорошо!“

Вотъ смыслъ страданій, главная, первая основа Божественнаго врачеванія.

*) Прокрустъ—легендарный греческій разбойникъ, убитый Тезеемъ. У него была постель (ложе), на которую онъ укладывалъ свои жертвы. Если человѣкъ оказывался длиннымъ, онъ обрубалъ ему ноги; если короткимъ, вытягивалъ ихъ до длины ложа. Отсюда «Прокрустово ложе» въ обиходной рѣчи означаетъ безцеремонное, искусственное, насильственное прилаживаніе чего-либо къ заранѣе предвзятой мысли. Выраженіе употребляется особенно часто объ ученыхъ трактатахъ, „пригоняющихъ“ различныя теоріи къ основной идеѣ сочиненія, чтобы не только сгладить ея противорѣчіе, но и воспользоваться мнѣніемъ противника въ качествѣ доказательства.

Подъ кущами райа царствовала только одна любовь. Эта любовь дѣлала лучшее и большее, чѣмъ дѣлаетъ теперь страданіе. Страданіе просвѣщаетъ душу, страданіе облагораживаетъ и очищаетъ, страданіе возноситъ сердце горѣ. Но все это дѣлаетъ любовь, дѣлаетъ скорѣе и прочнѣе, и, если бы человѣкъ не палъ въ райскихъ обителяхъ, если бы вмѣсто этой легкой искры, которая въ насъ тлѣетъ, мы сохранили живое пламя первоначальной любви, — мы не знали бы страданія. Черезъ страданіе намъ придано Божественное крыло, но — въ ту минуту, когда мы погружались въ матерію, Своей благодатью Богъ далъ намъ страданіе въ помощь.

Это надо признать. Это или отчаяніе, это или проклятый рокъ, который насъ давитъ. Или Богъ Милосердный, или Богъ тиранъ: середины нѣтъ!

Мой выборъ уже сдѣланъ. Я никогда не буду считать Тебя, Господи, ни равнодушнымъ, ни несправедливымъ, ни жестокимъ. Я цѣлую Твою руку, глаза мои полны слезъ. Я ничего не понимаю въ ударѣ, которымъ Ты меня поражаешь, но на устахъ моихъ одно слово:

„Пощади, яко благъ!“ *)

Голосъ священника о церковной процовѣди.

Пережитое и еще переживаемое смутное время во всей русской жизни раскрыло глубокія язвы и въ томъ числѣ и въ нашей пастырской. Намъ, пастырямъ, ясно теперь стало, что между нами и нашими пасомыми нѣтъ единенія. Припомнимъ прошедшіе выборы въ Г. Думу? Кто былъ руководителями выборщиковъ? Мы не руководители политическіе, но, вѣдь, у насъ глаголы живота вѣчнаго, у насъ слово истины евангельской, и за словомъ этимъ, освѣщающимъ пути жизни человѣческой всѣ и всецѣло, въ томъ числѣ и политику, наши выборщики не обратились къ намъ предъ великимъ дѣломъ выборовъ въ Г. Думу. Словомъ, въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ прошедшіе выборы въ Г. Думу, между нами пастырями и нашими духовными дѣтьми крестьянами (объ интеллигенціи уже и слова нѣтъ) обнаружилось разъединеніе, отчужденіе печальное и горькое по своимъ послѣдствіямъ. Но это не нечаянность. Это раздѣленіе подготовлялось раньше; оно даже было раньше, а теперь только обнаружилось.

*) Изъ книги Поселянина „О страданіи“.

Давно уже не всё пастыри находятся въ елиненіи со своими пасомыми. И это сказалося со всею ясностью со стороны пастырей въ томъ, что замолкло живое слово пастырское, замолкла проповѣдь. Давно уже это подмѣчено. „Какое таинство—религіозная жизнь народа такого, какъ нашъ, оставленнаго самому себѣ, неученаго! Спрашиваешь себя: откуда вытекаетъ она?—и когда пытаешься дойти до источника—ничего не находишь. Наше духовенство мало и рѣдко учитъ, оно служитъ въ церкви и исполняетъ требы“ *). Почему же оно мало и рѣдко учитъ? Обыкновенно сами пастыри объясняютъ это своею матеріальною необеспеченностью и недостаткомъ времени: все время поглощаютъ требы, да хозяйство. Это невѣрное объясненіе. Оно опровергается уже тѣмъ, что проповѣдь замолкла и тамъ, гдѣ духовенство хорошо обеспечено съ матеріальнѣй стороны. Бѣдность лишитъ человека возможности писать ученые трактаты и книги, бѣдность скромно одѣнетъ человека, не дозволитъ широко жить, заставитъ работать своими руками; но не можетъ она сомкнуть уста христіанскаго проповѣдника, не можетъ она остановить источникъ воды живой, текущей изъ сердца вѣрующаго! Что такое проповѣдь христіанская? Это, вѣдь, наученіе заповѣдямъ Божиимъ, проповѣдь Евангелія Христова, обличеніе жизни нечестивой. Наши пастыри знаютъ богословіе и догматическое и нравственное, они хорошо вооружены школою для проповѣди, и если нѣтъ проповѣди, то единственно потому, что нѣтъ у нихъ желанія проповѣдывать. Это печально, но это такъ на дѣлѣ. Если бы было желаніе научить, если бы духъ пастырскій горѣлъ этимъ желаніемъ, то предъ нимъ, какъ паутина, разрушились бы не только оковы бѣдности матеріальной, но и всё угрозы и прещенія враговъ Христовыхъ. А заботы хозяйственныя, многочисленныя требы приходскія это не только не препятствія къ проповѣди, а живые поводы, побужденія къ проповѣди. Нигдѣ такъ не сходишься близко съ рабочимъ людомъ, какъ на хозяйствѣ,—трудясь съ простолюдиномъ рядомъ, вполне вызываешь его довѣріе къ себѣ, къ своей проповѣди. А требы? Да, вѣдь, это самыя удобныя каѳедры для проповѣди, самыя удобные моменты для живого слова! Гробъ, купель, полевая богомоленія, общественныя богомоленія—все это самого косноязычнаго пастыря можетъ заставитьъ заговорить, заговорить пламенно, пронизывающе душу человѣческую, если только у пастыря есть хоть слабое желаніе учить. И не нужна здѣсь мудрость, не нужна здѣсь ученость

*) Московскій Сборникъ. Вѣра.

человѣческая, риторское краснорѣчіе — одно нужно: любовь къ своей паствѣ, желаніе ей вѣчнаго спасенія, болѣзнь сердца объ этомъ спасеніи. Любовь пастырская всѣ оковы внѣшніе разобьетъ, когда увидитъ, что паства гибнетъ отъ нравственнаго невѣжества, отъ незнавія Христа. Устоитъ-ли предъ нею бѣдность средствъ? Нѣтъ, любовь умудрится и при бѣдности учить людей закону Христову. Съ давней юности нашей намъ запало въ сердце по этому вопросу слѣдующее разсужденіе великаго писателя земли русской *Ф. М. Достоевскаго*. „Други и учителя — говорятъ *Достоевскій* устами старца *Зосимы* — слышалъ я не разъ, а теперь, въ послѣднее время, еще слышнѣе стало о томъ, какъ у насъ іереи Божіи, а пуще всего сельскіе, жалуются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе и на униженіе свое, и прямо завѣряютъ, даже печатно, — читалъ сіе самъ, — что не могутъ они уже теперь будто бы толковать народу Писаніе, ибо мало у нихъ содержанія, и если приходятъ уже лютеране, и еретики начинаютъ отбивать стадо, то, и пусть отбиваютъ, ибо мало-де у насъ содержанія. Господи! думаю, дай Богъ имъ болѣе сего столь драгоцѣннаго для нихъ содержанія (ибо справедлива и ихъ жалоба), но воистину говорю: если кто виноватъ сему, то на половину мы сами. Ибо пусть нѣтъ времени, пусть онъ справедливо говоритъ, что угнетаемъ все время работой и требами, но не все же вѣдь время, вѣдь есть же у него хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ вспомнить. Да и не круглый же годъ рабста. Собери онъ у себя разъ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только хоть дѣтокъ, — прослышатъ отцы, и отцы приходятъ начнутъ. Да и не хоромы же строить для сего дѣла, а престо къ себѣ въ избу прими; не страшись, не изгадятъ они твою избу, вѣдь всего-то на часъ одинъ собираешь. Разверни-ка онъ имъ Библию и начни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ возношенія надъ ними, а умиленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сіи, изрѣдка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце! Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревбекѣ, о томъ, какъ Іаковъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: „Страшно мѣсто сіе“, и поразишь благочестивый умъ простолюдина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ, какъ братья продали въ рабство родного брата своего, отрока милаго, *Іосифа*, сновидца и пророка великаго, а отцу

сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ потомъ братья прїѣзжали за хлѣбомъ въ Египетъ, и Іосифъ, уже царедворецъ великій, ими не признанный, мучилъ ихъ, обвинилъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя: „Люблю васъ и любя мучаю“. Ибо вѣдь всю жизнь вспоминалъ неустанно, какъ продали его гдѣ-нибудь тамъ, въ горячей степи, у колодца, купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ, отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: „Братья, я Іосифъ, братъ вашъ!“ Пусть прочтеть имъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, изрекши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся тайнственно въ кроткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ, что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учителя, простите и не сердитесь, что какъ малый младенецъ толкую о томъ, что давно уже знаете и о чемъ меня же научите, стократъ искуснѣе и благоглѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю сіе, и простите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и онъ, іерей Божій, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца его слушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное; брось онъ его въ душу простолюдина, и не умретъ оно, будетъ жить въ душѣ его во всю жизнь, таиться въ немъ среди мрака, среди смрада грѣховъ его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе. И не надо, не надо много толковать и учить, все пойметъ оно просто. Думаете ли вы, что не пойметъ простолюдинъ? Попробуйте, прочтите ему далѣе повѣсть, трогательную и умиленную, о прекрасной Эсѣири и надменной Вастіи; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелію отъ Луки, и потомъ изъ Дѣяній Апостольскихъ обращеніе Савла (это непременно, непременно!), а наконецъ, изъ Четырехъ-Миней хотя бы житіе Алексѣя Человѣка Божія и великой изъ великихъ радостной страдальцы, Боговилицы и Христовосицы Матери Маріи Египтяныни — и пронзайте ему сердце его сими простыми сказаніями, и всего-то лишь часть

въ недѣлю, не взирая на малое свое содержаніе, одинъ часокъ. И увидить самъ, что милостивъ народъ нашъ и благодаренъ, отблагодарить во сто кратъ; помня радѣніе іерея и умиленные слова его, поможетъ ему на нивѣ его добровольно, поможетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему большиимъ прежняго, — вотъ уже и увеличится содержаніе его. Дѣло столь простодушное, что иной разъ боишься даже и высказать, ибо надъ тобою же засмѣются, а между тѣмъ, сколь оно вѣрное! Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ. Кто же увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узрѣлъ и святыню Его, хотя бы и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе. Лишь народъ и духовная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихся отъ родной земли атеистовъ нашихъ. И что за слово Христово безъ примѣра? Гибель народу безъ слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія“.

Я думаю, читатель проститъ меня за столь длинную выдержку изъ свѣтскаго писателя по вопросу духовному, пастырскому. Полна жизненной правды приведенная выдержка: въ ней печать генія сказалась. Въ ней вѣрное опредѣленіе сущности православно-христіанской русской проповѣди, ея содержанія, духа и приемовъ. Истинно, если безмолствуютъ пастыри, то потому, что, сбитые съ толку жизнью, они не представляютъ ясно задачъ проповѣдничества, его характера и формы. Они объаты въ этомъ дѣлѣ глубокою тьмою. Тьма убиваетъ душу. Гдѣ тьма, тамъ блужданіе и застой! *).

Прозрѣнія О. М. Достоевскаго.

Боже, кто говоритъ, и въ народѣ грѣхъ. А пламень растлѣнія умножается даже видимо, ежечасно, сверху идетъ. Наступаетъ и въ народѣ уединеніе: начинаются кулаки и міроѣды; уже купецъ все больше и больше желаетъ почестей, стремится показать себя образованнымъ, образованія не имѣя ни мало, а для сего гнусно пренебрегаетъ древнимъ обычаемъ и стыдится даже вѣры отцовъ. Ъздитъ по князьямъ, а всего-то самъ мужикъ порченый. Народъ загноился отъ пьянства и не можетъ уже отстать отъ него. А сколько жестокости къ семьѣ, къ женѣ, къ дѣтямъ даже: отъ пьянства все. Видалъ я на фабрикахъ девятилѣтнихъ

*) Орлов. Еп. Вѣд.

даже дѣтей: хилыхъ, чахлыхъ, согбенныхъ — и уже развратныхъ. Душная палата, стучащая машина, весь Божій день работы, развратныя слова и вино, вино, а то-ли надо душѣ такого малаго еще дитяти? Ему надо солнце, дѣтскія игры и всюду свѣтлый примѣръ — и хоть капли любви къ нему. Да не будетъ же сего, иноки, да не будетъ истязанія дѣтей, возстаньте и проповѣдуйте сіе скорѣе, скорѣе. Но спасетъ Богъ Россію, ибо хоть и развратенъ простолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ въ смрадномъ грѣхѣ, но все же знаетъ, что проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣша. Такъ что неустанно еще вѣруетъ народъ наскъ въ правду, Бога признаетъ, умиленно плачетъ. Не то — у вышихъ. Тѣ во слѣдъ наукъ хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, но уже безъ Христа, какъ прежде, и уже провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по ихнему. Ибо если нѣтъ у тебя Бога, то какое-же тогда преступленіе? Въ Европѣ возстаетъ народъ на богатыхъ уже силой, и народные вожаки повсемѣстно ведутъ его къ крови и учатъ, что правъ гнѣвъ его. Но „проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ“. А Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его. Отцы и учителя, берегите вѣру народа, и не мечта сіе: поражало меня всю жизнь въ великомъ народѣ нашемъ его достоинство благолѣпное и истинное, и самъ видѣлъ, самъ свидѣтельствовать могу, видѣлъ и удивлялся, видѣлъ, несмотря даже на смрадъ грѣховъ и нищій видъ народа нашего. Не раболѣпенъ онъ, и это послѣ рабства двухъ вѣковъ. Свободенъ видомъ и обращеніемъ, но безъ всякой обиды. И не мстителенъ, и не завистливъ. „Ты знатенъ, ты богатъ, ты уменъ и талантливъ, — и пусть, благослови тебя Богъ. Чту тебя, но знаю, что и я человѣкъ. Тѣмъ, что безъ зависти чту тебя, тѣмъ-то и достоинство мое являю предъ тобой человѣческое“. Воистину, если не говорятъ сего (ибо не умѣютъ еще сказать сего), то такъ поступаютъ, самъ видѣлъ, самъ испытывалъ, и вѣрите ли: чѣмъ бѣднѣе и ниже человѣкъ нашъ русскій, тѣмъ и болѣе въ немъ сей благолѣпной правды замѣтно, ибо богатые изъ нихъ, кулаки и мірофды во множествѣ уже развращены, и много, много тутъ отъ нерадѣнія и несмотрѣнія нашего вышло! Но спасетъ Богъ людей Своихъ, ибо велика Россія смиреніемъ своимъ. Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ,

а бѣдный, видя смиреніе сіе пойметъ и уступить ему, съ радостью и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ. Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе поймутъ лишь у насъ. Были бы братья, будетъ и братство, а раньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ, какъ драгоценный алмазъ всему міру... Буди, буди! (О. М. Достовскій. „Братья Карамазовы“).

Доступность православныхъ храмовъ во всякое время.

Софійскій соборъ. Когда войдешь въ него, какое благоговѣйное чувство охватываетъ православнаго новгородца! Вѣдь въ этихъ стѣнахъ цѣлыя столѣтія молились новгородцы почти съ самаго того времени, какъ появилась на Руси святая православная вѣра. Стоишь въ соборѣ и видишь этотъ безконечный рядъ православныхъ богомольцевъ въ соборѣ, принесшихъ сюда, въ эти стѣны, то радость, то горе. Здѣсь нѣкогда новгородцы благодарили Бога послѣ удачнаго погрома своихъ враговъ, отсюда поднимались крестные ходы, направлявшіеся къ мосту для того, чтобы положить предѣлъ братоубійственному междоусобному побою; здѣсь было оплакано паденіе свободолюбиваго Господина Великаго Новгорода. Въ этомъ соборѣ, и предъ тѣми иконами, предъ которыми преклоняемся мы, столѣтія молились наши предки, теперь населяющіе существующія и забытыя кладбища. Подъ сводами Св. Софіи раздавались голоса тѣхъ Святителей, которые теперь лежатъ здѣсь же, въ соборѣ, въ серебряныхъ ракахъ.

Не удивительно послѣ всего этого, если природный новгородецъ любитъ свою Святую Софію. Пріѣзжаго въ Новгородъ влекутъ сюда святыни этого храма, почивающіе въ немъ Мощи. Равнодушный къ святынѣ туристъ интересуется Св. Софіей, какъ памятникомъ глубокой старины.

Однако, чтобы попасть въ соборъ, нужно придти въ него обязательно во время богослуженія. Во всякое другое время двери Св. Софіи закрыты. Чтобы приложиться ко Св. Мощамъ въ не урочное время, приходится беспокоить іеромонаха. А для этого не у всякаго хватитъ смѣлости.

Представляется ли такой порядокъ вещей идеальнымъ?— Въ Петербургѣ нѣкоторые соборы и церкви бываютъ открыты круглый день. И вотъ, мы думаемъ, что, если бы открылись и

двери Св. Софіи и не во время только совершенія въ ней Бого-служенія? Конечно, у насъ, въ Новгородѣ, не можетъ быть такого количества посѣтителей этой святыни, какъ, напр., въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Но что чрезъ это было бы удовлетворено религіозное чувство многихъ и, быть можетъ, весьма многихъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Пріѣхалъ крестьянинъ на рынокъ. Справлены всѣ дѣла. На обратномъ пути онъ проѣзжаетъ мимо Софійскаго собора. Развѣ не нашлось бы среди нихъ многихъ и весьма многихъ, которые захотѣли бы поклониться Мощамъ Св. угодниковъ. Пріѣзжающіе въ Новгородъ по дѣламъ—всѣ имѣли бы полную возможность удовлетворить своему благочестивому желанію помолиться въ главной святынѣ гор. Новгорода.

Мы видимъ затрудненія при осуществленіи этой мечты нѣкоторыхъ ревнителей православія въ гор. Новгородѣ. Но развѣ среди православныхъ и прежде всего иноковъ не найдется самоотверженныхъ людей, которые бы дежурство въ соборѣ, имѣющее свою задачу удовлетворить благочестивому желанію всякаго вѣрующаго и во всякое время, не согласились сдѣлать подвигомъ жизни?..

О разговорахъ среди новгородцевъ на данную тему насъ заставила вспомнить статья Поселянина въ Церковномъ Голосѣ.

У католиковъ въ ихъ отношеніи къ храму есть одна отличительная отъ насъ особенность.

Я узналъ о ней не только нагляднымъ образомъ, изъ рассказовъ, но и изъ иностранной беллетристики. Сколько разъ приходилось мнѣ читать въ романахъ, описывающихъ жизнь Парижа, какъ герой или героиня заходятъ помолиться—безразлично въ какое время дня—въ церковь.

То же самое видалъ я въ русскихъ городахъ и мѣстечкахъ съ католическимъ населеніемъ. За исключеніемъ ночи костелы бываютъ тамъ постоянно открыты, и въ нихъ всегда можно встрѣтить колѣнопреклоненныхъ молящихся.

Что же касается насъ, то мы не привычны входить въ церковь иначе, какъ во время богослуженія. Весь день мы оставляемъ свою душу внѣ всякаго религіознаго воздѣйствія, отчего чрезвычайно много теряемъ.

Трудно передать то глубокое и благое впечатлѣніе, какое производитъ на вѣрующую душу посѣщеніе пустаго храма, святыня котораго чувствуется тогда какъ-то еще живѣе, чѣмъ при народѣ. Недаромъ ходитъ трогательное преданіе о томъ, что,

если подойти къ запертой церкви и прильнуть ухомъ къ замочной скважинѣ, то услышишь пѣніе ангеловъ.

Русскій обычай запираеть церкви по окончаніи службы лишаетъ вѣрующихъ громаднаго утѣшенія и поддержки. Часто чрезвычайно нуждаешься среди дня въ уединенной молитвѣ. Дома, въ своей привычной обстановкѣ, особенно при дневномъ свѣтѣ, и при постоянной возможности, что васъ всякую минуту побеспокоятъ, вызовутъ по дѣлу, почти невозможно молиться. Такъ и тянетъ въ полумракъ храма, гдѣ въ тихомъ воздухѣ словно чувствуется присутствіе великихъ силъ, гдѣ безстрастно въ ореолѣ вѣчности, съ обѣщаніемъ сочувствія и помощи смотрятъ на васъ священные лики, гдѣ столькими людьми въ теченіе столькихъ лѣтъ пролиты потоки слезъ, прозвучали неслышныя признанія сжатыхъ горемъ, изнемогающихъ въ борьбѣ, измученныхъ страстями, грѣхомъ, разочарованіемъ и неудовлетворенностью душъ человѣческихъ.

Все тихо тамъ, все замерло въ какомъ то великомъ сосредоточеніи и при вѣяніи вѣчности, реально вами здѣсь ощущаемой. Въ васъ рождается живое сознаніе ничтожности вашего горя предъ тою громадною и блаженною долею, которая васъ ждетъ послѣ крестнаго, земнаго пути. Какъ путникъ, несущійся въ свѣтлые края къ теплому лазурному морю, равнодушно смотритъ изъ окна вагона на унылыя болота, чрезъ которыя мчитъ его поѣздъ: такъ же и вы возвыситесь тутъ до какого то равнодушія ко всему, чѣмъ гнетъ васъ земля. Въ церкви, если вы таите въ себѣ какое нибудь дурное намѣреніе, это намѣреніе разсѣется и вы уйдете лучшимъ, чѣмъ вы сюда вошли.

Трудно вообще высказать вполне, какое громадное вліяніе на человѣческую жизнь можетъ имѣть ежедневный заходъ хотя на нѣсколько минутъ въ церковь.

„Вы не можете себѣ представить, говорилъ мнѣ одинъ чрезвычайно занятой и серьезный человѣкъ, что значитъ для меня эти 5 минутъ, которыя я ежедневно провожу въ Казанскомъ соборѣ (въ Петербургѣ). Я вхожу туда съ чувствомъ сына, который, какъ ни занятъ, урываетъ таки ежедневно нѣсколько минутъ, чтобы посидѣть со своей матерью. Когда я прохожу подъ этими высокими сводами, висящими на цѣломъ лѣсѣ гранитныхъ колоннъ: какъ то надежно становится у меня на душѣ, я чувствую себя здѣсь на родинѣ; а, когда я подхожу къ за-вѣтному лику съ котораго смотрятъ прямо мнѣ въ душу благія скорбныя очи, а по щекамъ Ея катятся слезы, я чувствую, что

Она плачетъ обо мнѣ, и какъ подымаетъ меня такое сочувствіе! Я знаю, что если всюду я могу опасаться обмана и предательства, если жизнь со всѣхъ сторонъ готова огрызнуться уколами и разочарованіями: то вотъ въ Ней одной я могу быть увѣренъ, все могу Ей рассказать, все повѣрить, и Она одна все выслушаетъ, пойметъ, на все откликнется“.

Мнѣ кажется даже, что, чѣмъ культурнѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ нуждается въ храмѣ именно въ такіе, уединенные часы храма. Тогда чувствуешь себя какъ то интимнѣе, душа какъ то открытѣе и полнѣе довѣряется Богу, бываешь какъ то индивидуальнѣе, чѣмъ въ громадной толпѣ.

Конечно, Некрасовъ былъ одинъ, когда пережилъ въ бѣдной сельской церкви то сложное настроеніе, которое такъ прекрасно излито имъ въ строкахъ:

Храмъ воздыханья, храмъ печали,

Убогій храмъ земли моей:

Тяжеле стоновъ не слышали

Ни римскій Петръ, ни Колизей.

.

Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,

И шепчетъ голосъ неземной:

Дови минуты умиленья,

Войди съ открытой головой.

Сюда народъ, Тобой любимый,

Своей тоски неодолимой

Святое бремя приносилъ

И облегченный уходилъ.

И я вошелъ, я умилился.

И долго я лежалъ и бился

О плиты старыя челою,

Чтобъ услыхалъ, чтобъ заступился,

Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ

Богъ сокрушенныхъ, Богъ скорбящихъ,

Богъ поколѣнній, предстоящихъ

Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.

И чѣмъ интимнѣе то чувство, въ которомъ человѣкъ ищетъ поддержки религіи, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ уединеніи и тишинѣ для свой молитвы.

Сколько разъ я думалъ, что, вотъ, человѣкъ, несчастная женщина, или опозоренная дѣвушка готова рѣшиться на само-

убійство, и безотвѣтная темнота города какъ бы сочувствуетъ ея намѣренію. И вдругъ видитъ она огонекъ, брезжащій въ дверяхъ храма... и невольно входитъ она въ эти двери, и—спасена.

Когда я сравниваю мѣсто, занимаемое религіею у православныхъ, съ тѣмъ мѣстомъ, какое занимаетъ она у сознательно вѣрующихъ другихъ вѣроисповѣданій, я всегда бываю пораженъ, какъ мало религіи проникаетъ у насъ въ жизнь.

Храмъ, доступный для вѣрующихъ только въ часы богослуженій и тщательно запертый въ остальное время сутокъ, является выразительнымъ примѣромъ этого, какъ бы взаимнаго отчужденія, между религіей и жизнью.

Откройте мнѣ храмы, дайте мнѣ войти въ нихъ во всякій часъ, когда душу мою потянетъ къ Богу, не лишайте меня того благого и великаго воздѣйствія на душу, какое можетъ на меня храмъ оказать—оказать въ тѣ именно часы, когда я стремлюсь подъ его священную сѣнь.

Прошлымъ лѣтомъ, попавъ въ Ригу, я, между поѣздами, часовъ въ 11 утра, подѣхалъ къ русскому собору. Окружающій его скверъ, со всѣхъ сторонъ обнесенный рѣшетками, былъ запертъ. Мнѣ пришлось перелѣзть черезъ эту рѣшетку, и лишь военная форма на мнѣ избавляла меня отъ подозрѣнія въ грабительскихъ намѣреніяхъ. Но это было не все. Мнѣ долго пришлось ходить вокругъ собора, пока удалось достучаться въ окошкѣ подвального этажа одного изъ сторожей, который, наконецъ, и впустилъ меня. Я никогда не забуду этого приключенія на-ряду съ тою доступностью, съ какою я всегда входилъ, на русскомъ Западѣ, въ польскіе костелы.

Если вы хотите, чтобы религія проникала собою жизнь, не удаляйте храмъ отъ народа, зовите во всякіе часы народъ въ церковь, а не дѣлайте изъ церкви неприступной крѣпости.

Меня всегда глубоко волновала надпись золотыми буквами, которую я часто читалъ на фронтонахъ храмовъ Александровской, преимущественно, эпохи: „да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и ночь“.

И тогда, съ какою то кроткою силою эти именно слова влекли меня войти и погрузиться хоть на минуту въ священную задумчивость храма. Но храмъ былъ недоступенъ, и въ ту минуту нити моей жизни не могли въ него проникнуть...

Мнѣ хочется докончить прекраснымъ стихотвореніемъ Розенгейма: „Пустая церковь“. Вдумайтесь въ него. И, если вы вспомните, что церковь мыслится какъ корабль спокойно и увѣ-

ренно прорывающій бурныя житейскія волны, неся тѣхъ, кто ему довѣрился, въ надежную пристань Божьяго царства, то вы поймете, какъ жестоко—не давать людямъ, изъ пучины морской прогягивающимъ руки къ его борту, въ надеждѣ взобраться на палубу его, какъ жестоко не давать этимъ людямъ во всякую минуту укрыться на этотъ корабль!

Вечерня отошла: послѣдній возгласъ клира
Замолкъ подъ сводами; волнуется народъ.
Молитва кончена, и снова голосъ міра
Въ растворенную дверь дѣтей своихъ зоветъ.
Покорная ему, спѣшитъ толпа густая—
Тѣ къ отдыху, домой, а тѣ—къ ночнымъ трудамъ;
Кто набожно крестясь, кто нищихъ одѣляя,
Народъ расходится, пустѣетъ Божій храмъ.
Пустѣетъ... только тамъ, старушка у иконы
Да дряхлый инвалидъ остались одни;
И тѣ, спѣша уйти, послѣдніе поклоны
Творять размахисто; вотъ вышли и они.
За ними вслѣдъ прошелъ священникъ торопливо,
И звукъ его шаговъ на каменномъ полу
Замолкъ на наперти; и сторожъ молчаливый
Лампады потушилъ и тихо сѣлъ въ углу.
Вечерній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,
И лики темные, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ,
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Иль сцена Библіей завѣщанныхъ картинъ;
Кругомъ и полумракъ, и тишь пустого храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ,
Одинъ... нѣтъ не одинъ!.. Мнѣ слышится, рыданье,
Здѣсь плачутъ, здѣсь скорбятъ,—здѣсь люди быть
должны!

Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье,
Уединенія, безлюдья, тишины.
Ищу, кто-бъ это былъ? Чье горе, укрываясь,
Пришло наединѣ излиться предъ Творцомъ?
Вотъ группа... женщина, слезами заливаясь,
Съ малютками—дѣтьми скленилась предъ крестомъ,
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно,

Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна,
 И предъ Распятіемъ, прижавъ къ плитѣ холодной,
 Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена,
 Какъ будто хочетъ все—весь гнетъ сердечной боли
 Въ ней вылить изъ души растерзанной своей.
 Малютка—старшему девятый годъ, не болѣ—
 Сробѣли, бѣдныя, и плачутъ вмѣстѣ съ ней.
 Сынишка, къ матери прижавъ и обнимая,
 „Не плачь, мамашенька“, ей нѣжно говорилъ,
 „Скажи мнѣ, кто тебя обидѣть могъ, родная“?
 „Скажи, я заступлюсь, Господь пошлетъ мнѣ силъ“...
 И гнѣвомъ, и мольбой горятъ его глазенки,
 И судорожно сжать безвредный кулачекъ,
 А рядомъ дѣвочка, сложивъ свои рученки,
 Глядитъ сквозь слезъ на мать, и дѣтскій голосокъ
 Лепечетъ: „Господи! утѣшь ее, мамашу!
 Я буду умница, не стану я грѣшить;
 Тебѣ, вѣдь, можно все,—верни скорѣй папашу,
 Чтобы не плакать намъ, и въ черномъ не ходить“.
 И группу скорбную, какъ будто осѣняя,
 Воздвиглося надъ ней Распятіе въ высотѣ,
 И къ плачущимъ съ него объятые простирая,
 Склонился Праведникъ, распятый на крестѣ.
 Забывъ о собственномъ страданіи суровомъ,
 Покрытый язвами и кровію облить,
 Склонилъ Онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ Своемъ тер-
 новомъ
 И полный благи, съ любовію глядитъ.
 Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката
 Онъ, мнится, говорилъ имъ взглядомъ кроткихъ глазъ:
 „Идите всѣ ко Мнѣ, кого гнететъ утрата,
 Ко Мнѣ, скорбящіе,—Я упокою васъ“!

Вотъ, что происходитъ иногда въ пустыхъ церквахъ, въ тѣ
 часы, когда въ нихъ нѣтъ молящихся, и одиночные люди стоятъ
 тамъ одни предъ Единымъ Богомъ.

Одна изъ дѣйствительныхъ причинъ слабаго вліянія
 духовенства на народъ.

„Одна изъ причинъ слабаго вліянія духовенства на народъ“.
 Подъ такимъ заголовкомъ въ 36 № Новгородскихъ Епархіаль-

ныхъ Вѣдомостей за текущій годъ помѣщена замѣтка, въ которой еще разъ указывается на нетрезвость нѣкоторыхъ членовъ духовенства, какъ на причину слабаго вліянія на народъ.

Нельзя спорить противъ того, что нетрезвость унижаетъ духовенство, но намъ кажется, что не пьянство и не нравственная жизнь духовенства послужили причиною ослабленія вліянія духовенства на народъ, а нѣчто со вершенно другое. Жизнь духовенства, какъ бы ее ни порочили, далеко не такъ плоха; недостатки его какъ бы ихъ ни раздували, тоже не такъ велики, чтобы могли собою объяснить потерю вліянія духовенства на народъ.

Служили мы въ нѣкоемъ приходѣ, гдѣ всѣ прихожане постоянно вспоминали лѣтъ 10 тому назадъ умершаго священника. По рассказамъ это былъ человекъ крайне вспыльчивый. „Сохрани, Господи, говаривалъ одинъ старичекъ, попасть ему подъ горячую руку — выбранить ни за что, прогнать“. А вотъ любили же вы его, скажешь. „Да, точно любили и боялись. Ну что жъ, выпивалъ, горячился, да батюшка то былъ такой справедливый, что поищешь, поищешь да и не найдешь теперь. Ну выбранить, каждый промолчить. Выбранить, бывало, и напрасно, ну тогда будь ты самый послѣдній человекъ въ приходѣ, непременно попросить у тебя прощенія“.

Судя по рассказамъ, вліяніе этого священника на приходъ было громадно, сказывалось даже и въ мелочахъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти онъ живъ былъ въ памяти народной, часто припоминались многіе его слова и поступки.

Близко намъ извѣстенъ также одинъ отецъ протоіерей. Это былъ пастырь умный, рѣчистый, жизни безупречной, безусловно трезвый; душу вкладывалъ онъ въ свое пастырство, нетребователенъ былъ относительно доходовъ, и однако вліяніе его на приходъ было ничтожно, не смотря на то, что онъ прослужилъ въ одномъ приходѣ что-то около 30 лѣтъ. Въ уваженіи сему протоіерею отказать не могли его знакомые и прихожане, но все же было нѣчто въ его дѣятельности такое, что препятствовало быть ей успѣшной. Уже въ послѣдніе годы его жизни случалось намъ ходить по домамъ въ его приходѣ. Спросятъ: „что же нашъ батюшка?“ Плохо можетъ, старь становится, отвѣтишь „Да, поддержать, что грѣха таить, пора ему и на покой, а намъ дадутъ другого помоложе“. Жутко становилось, когда приходилось слышать такіа холодныя, безжалостныя рѣчи. И самъ онъ старичекъ,

вполнѣ почтеннѣйшій, не мало перенесъ прямыхъ огорченій отъ своихъ прихожанъ, которыхъ любилъ и не желалъ покинуть, несмотря на то, что всегда могъ бы получить болѣе покойное и болѣе богатое мѣсто. „Крохоборы, алтынники, побирушки“, кричалъ ему въ послѣдній годъ его службы имъ окрещенный, выученный и повѣнчанный прихожанинъ, съ бранью и угрозами проводилъ его до дома, и въ домѣ, сѣвши къ столу, продолжалъ поносить своего духовнаго отца и раздражать его всячески. Положимъ, вышеупомянутый прихожанинъ послужилъ нѣкоторое время у нѣмца лютеранина. Но то и странно, что въ недѣли онъ забылъ все то, что внушалось ему годами.

Въ чемъ же секретъ вліянія на приходъ? неволью возникалъ вопросъ въ умѣ нашемъ. Священникъ по своему положенію и служебной дѣятельности поставленъ въ такія исключительно счастливыя условія по отношенію къ народу, что страннымъ и необъяснимымъ представлялось намъ то обстоятельство, что духовенство имѣетъ мало вліянія. Какъ это могло случиться, что почтеннѣйшій протоіерей, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, заслужилъ такую холодность отъ своихъ же прихожанъ.

Мало вліянія у духовенства—это очевидно. Но только не пьянство, жадность и подобные недостатки послужили источникомъ этого печальнаго явленія, или по крайней мѣрѣ не въ нихъ главная причина.

Не довѣряетъ народъ духовенству, вотъ почему оно и не можетъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ. И недовѣріе это отчасти заслужено самимъ духовенствомъ.

Духовенство всегда старалось быть съ сильнымъ и за сильнымъ. Достаточно припомнить разъяснительное постановленіе святѣйшаго Синода о праздникахъ, гдѣ, въ угоду новымъ вѣяніямъ, крайне нерѣшительно поддержана прямая заповѣдь Божія: „помни день субботній“. Кто же сомнѣвается въ томъ, что пьянство и разгулъ несовмѣстимы съ христіанскимъ праздникомъ, но это далеко еще не значитъ и того, что въ эти дни можно работать. Богъ въ древности черезъ пророка говорилъ, что праздники евреевъ Ему мерзость, и однако по такой причинѣ не посылалъ ихъ работать на поля и въ виноградники, а призывалъ къ исправленію нравственной жизни.

И если такъ поступало правящее духовенство, то и низшее шло по тому же пути. Внесъ ли подать?—у меня первый вопросъ на исповѣди, говорилъ одинъ священникъ. И такимъ духомъ пропитана болѣе или менѣе вся дѣятельность духовенства,

такъ что многимъ и пастырямъ иной характеръ дѣятельности представляется прямо еретическимъ. Что-то совсѣмъ не слышно о пастыряхъ, которые бы, не выходя изъ предѣловъ пастырской благопристойности, все же дерзновенно предстательствовали бы за народъ предъ властію предержашею, чему такіе разительные примѣры оставили намъ древніе пастыри русской церкви. Теперь духовенство долбитъ народу все объ одномъ и томъ же. Долбитъ все объ обязанностяхъ, учить его рабски покланяться всякому авторитету, никогда ни однимъ словомъ не упоминая народу объ его правахъ не только политическихъ, но и правахъ каждаго христіанина, какъ члена церкви и прихода. Что же удивляться тому, что народъ мало слушаетъ то, что проповѣдуется духовенствомъ. Вѣдь ему, народу, напередъ извѣстно, что священникомъ все будетъ сведено къ тому же: молчи, повинуйся, терпи! И эти золотыя слова такъ часто употребляются не къ дѣлу и не къ мѣсту, что слушаетъ народъ рѣчь духовенства однимъ ухомъ и, не задерживая, выпускаетъ въ другое. У васъ всегда гдѣ сила, тамъ и правда; все обѣлите и такіе очки вставьте, что на что ни посмотри, хоть на мѣсяць нарждающійся, и тѣтъ прямымъ покажется.

Если же къ указанной чертѣ дѣятельности духовенства прибавить постоянное „дай“ и никогда „на“, то удивляться нужно не тому, что духовенство мало вліяетъ на народъ, а тому дивиться, какъ оно сохранило тѣ крохи вліянія, которыя еще несомнѣнно остаются за духовенствомъ.

„Сегодня староста съ тарелкой собиралъ, это куда же батюшка?“ Да вѣдь ты слышалъ?—на улучшеніе пищи тюремныхъ арестантовъ. „Такъ. А чѣмъ же ихъ кормятъ?“ Правъ не знаю, а что? „Да мы и сами ѣдимъ охъ какъ тощенько, масла и того купить не на что. Жуешь, жуешь одну картошку, глядѣтъ тошно. А ихъ за то что обокрадываютъ добрыхъ людей, въ теилѣ держатъ, кормятъ лучше нашего, да еще насъ помогать заставляютъ“. Да никто тебя не заставляетъ, хочешь дай, не хочешь не давай! „Оно такъ-то такъ, да вѣдь мимо идетъ староста, не положить кофѣйки и совѣстно“.

Свящ. NN.

Разныя извѣстія.

23-го октября, шайка грабителей, состоящихъ изъ 7 человекъ, прилично одѣтыхъ и вооруженныхъ браунингами, въ селѣ Молвотицахъ, Демянскаго уѣзда, ворвалась въ лавку Чусова и

скомандовала присутствующей въ лавкѣ публикѣ „ни съ мѣста“, причѣмъ къ каждому въ упоръ былъ направленъ револьверъ. Въ это время въ лавкѣ находился старикъ Чусовъ, его сынъ и мѣстный урядникъ, которые, при видѣ направленныхъ на нихъ 7 револьверовъ, замерли отъ страха и лишь молодой Чусовъ вздрогнулъ, какъ получилъ пулей легкую рану въ руку. Послѣ выстрѣла старикъ Чусовъ началъ упрашивать грабителей не трогать его сына и предложилъ имъ всѣ находящіяся при немъ деньги. Грабители похитили изъ выручки 450 рублей, отправились въ квартиру Чусова, гдѣ старикъ вынужденъ былъ отдать имъ всѣ наличныя деньги; затѣмъ грабители спокойно удалились по направленію къ Георгіевской церкви, сдѣлавъ на улицѣ нѣсколько выстрѣловъ; со стороны мѣстныхъ крестьянъ была попытка ихъ задержать, но съ голыми руками противъ 7 браунинговъ ничего не могли сдѣлать. Нѣкоторые изъ грабителей задержаны. (Волх. Лист.).

Въ Тихвинскомъ уѣз. крестьяне рубятъ лѣсъ землевладѣльца Фока; на мѣсто выѣхали стражники. (Нов. Вр.).

Направленіе разсужденій по рабочему вопросу. Заклятый врагъ русскаго рабочаго и вообще крестьянскаго дѣла—это безспорная, не подлежащая сомнѣнію, народная темнота, недостатокъ просвѣщенія, власть тьмы; но „невѣжественный—это дитя“, и правда: крестьяне часто, какъ дѣти, беззавѣтно и беззаботно вѣрятъ простому слуху и преступному обѣщанію. Мужики часто увѣряютъ, что хозяева ничего не дѣлаютъ, а сидя за конторкой считаютъ деньги, да записываютъ; работа—же вся совершается мастерами—крестьянами... Рабочіе предлагали неоднократно хозяевамъ (напримѣръ типографій) отдать все дѣло имъ, и они тогда „покажутъ“, что можно работать и по 8 ми часовъ въ день съ большой выгодой и т. под. Противъ такихъ „разсужденій“ можно ратовать двоякимъ образомъ: или 1) защищая и развивая общій принципъ, напримѣръ, неприкосновенность собственности; но такое юридическое слово сильно рискуетъ стать жертвою вѣтра и не долетитъ даже до каменистой почвы. Это мнѣніе мое не апріорно; я убѣдился въ его справедливости на опытѣ, живя впродолженіи многихъ лѣтъ каждое лѣто въ деревнѣ, въ домѣ земскаго начальника; я такимъ образомъ успѣлъ получить понятіе о нѣкоторыхъ условіяхъ и особенностяхъ сельской жизни.

Поэтому гораздо практичнѣй, по моему, спросить рабочихъ прямо по совѣсти: способны-ли они-то сами исполнить такое требованіе („отдать все“, см. выше), будучи на мѣстѣ хозяевъ?? „Не суди твоего брата, не поставивши себя раньше на его мѣсто“, и развитіе во время собесѣдованія этой темы будетъ много полезнѣе примѣненія, даже блестящаго, общихъ принциповъ собственности, законности и права. Для успѣшной бесѣды съ простымъ народомъ нуженъ не голосъ, а логосъ. Недурно спросить толпу безъ обвиняковъ, почему столь часто бывшіе работники, случайно разбогатѣвъ, становятся „кулаками“ и жмутъ своихъ „товарищей“ крестьянъ и рабочихъ? Весьма не вредно такимъ образомъ поставить слушателей лицомъ къ лицу съ ихъ собственной совѣстью, „ея-же ничто-же въ мірѣ нужнѣйше“, и никто, конечно, не можетъ достигнуть этого легче и лучше Церкви, имѣющей полное право задать всѣ такіе вопросы своимъ прихожанамъ предъ вратами алтаря, послѣ торжественнаго богослуженія, при отсутствіи возраженій. (Вѣра и Церковь № 6—7).

Глухая исповѣдь. Въ Тобольскихъ Еп. В. священникъ Василій Коптевъ пишетъ. Иногда въ пастырской практикѣ священниковъ бывають такіе случаи. Привозятъ батюшку исповѣдать больного. Больной живъ, но никакихъ признаковъ сознанія не подаетъ. Дышетъ какъ будто и правильно, но глаза закрыты, губы сжаты (иногда бываетъ, что изо рта идетъ пѣна); членами иногда шевелить больной, въ иныхъ же случаяхъ лежитъ недвижимъ; дыханіе иногда сопровождается хрипѣніемъ... Батюшка спрашиваетъ: что съ нимъ? Не спитъ-ли больной? и проситъ разбудить его. Батюшкѣ говорятъ, что пробовали и сами разбудить до пріѣзда батюшки, только толку никакого не вышло; однако просьбу батюшки исполняютъ — и вновь стараются „разбудить“ больного. Стараются всякъ: и громко называютъ его; и говорятъ, что батюшка пріѣхалъ, — исповѣдайся; и поворачиваютъ больного, и голову поднимаютъ, и сажаютъ его, думая, что, можетъ, сидя онъ лучше очнется... Ничто не помогаетъ. Батюшка смущенъ... Родственники больного, не добившись ничего, бросаются въ ноги батюшкѣ — просятъ, въ случаѣ смерти больного, отпѣть его. Батюшка выражаетъ сожалѣніе, что нельзя больного исповѣдать, — ему говорятъ: дайте ему (больному) глухую исповѣдь...

Въ моей практикѣ такихъ случаевъ было нѣсколько (помню 3 случая: въ 2 случаяхъ больные были женщины, въ 3-мъ — мужчина). Женщины умерли, мужчина, кажется, живъ и сейчасъ. Каждый разъ меня родственники, — послѣ заявленія, что въ такомъ состояніи исповѣдать больного нельзя, просили, чтобы я далъ больному глухую исповѣдь...

Служу я еще немного лѣтъ, поэтому, мало еще опытенъ, а въ подобныхъ случаяхъ, какъ вышеописанные, и вовсе не опытенъ. Напримѣръ, я совсѣмъ не знаю, что это за глухая исповѣдь. Между тѣмъ всѣ крестьяне знаютъ о глухой исповѣди. Меня просятъ дать глухую исповѣдь, а я всегда, въ вышеописанныхъ случаяхъ, не дѣлаю никакой исповѣди, ибо недоумѣваю, какъ исповѣдывать человека, который находится въ безсознательномъ состояніи...

Желалъ бы, поэтому, узнать слѣдующее: а) что это за глухая исповѣдь; б) какъ она совершается (если только совершается); в) что дѣлать съ такими больными, а г) какъ ихъ хоронить, въ случаѣ смерти, — съ вѣдома полиціи, или безъ этого. Опытные батюшки, б. м., разрѣшатъ мое недоумѣніе.

Присутствующій въ св. Синодѣ придворный духовникъ, протопресвитеръ І. Л. Янышевъ минувшимъ лѣтомъ ѣздилъ въ отпускъ и посѣтилъ между прочимъ свою родную калужскую семинарію, въ которой онъ не былъ со времени ея окончанія въ 1845 году. О. протопресвитеръ имѣлъ въ семинарской церкви, куда собрались всѣ наставники и воспитанники, продолжительную бесѣду по поводу современныхъ вопросовъ. Рѣчь восьмидесятилѣтняго старца-протопресвитера обратила на себя всеобщее вниманіе и ея изложеніе не сходитъ нынѣ со страницъ епархіальныхъ вѣдомостей. Прежде всего затронуть былъ вопросъ о современномъ духовномъ образованіи. Выразивъ радость, что на склонѣ дней онъ опять въ родной семинаріи, о. протопресвитеръ съ глубокою любовію и чувствомъ благодарности сталъ говорить о цѣнности семинарскаго образованія. По окончаніи семинарскаго и потомъ академскаго въ С.-Петербургѣ курса о. протопресвитеру вскорѣ пришлось жить и трудиться среди другихъ, болѣе просвѣщенныхъ народовъ, но и тамъ, благодаря полученному въ семинаріи и академіи образованію, онъ признавалъ себя, если не выше, то, во всякомъ случаѣ, не ниже ученыхъ и обра-

зованныхъ тамъ людей, и—это сознаніе дала наша духовная школа того времени... Потомъ рѣчь перешла на политическіе вопросы. Съ горечью и негодованіемъ говорилъ о. протопресвитеръ о политическихъ убійствахъ и въ частности объ убійствѣ великаго князя Сергія Александровича, котораго онъ зналъ съ малыхъ лѣтъ его, какъ самоотверженнаго слугу Родины. Сурово осудилъ подобныя убійства старецъ-духовникъ Царственного Дома и высказалъ ту мысль, что ничто такъ не доказываетъ существованія діавола—какъ личнаго злого начала и зла вообще, какъ эти сознательныя убійства завѣдомо невинныхъ и вѣрныхъ слугъ Царя и Отечества. Съ негодованіемъ говорилъ далѣе о другомъ проявленіи злыхъ силъ настоящаго времени—о забастовкахъ, не объ экономическихъ, а о какихъ-то бессмысленныхъ профессорскихъ, студенческихъ и ученическихъ. Выяснялъ ихъ полную неумѣстность и вредъ и съ глубокою скорбью остановился вниманіемъ на томъ печальномъ фактѣ, что эти неразумныя и дерзкія забастовки нашли себѣ мѣсто и въ нашей духовной школѣ: семинаріяхъ и академіяхъ, кои приносятъ только одинъ вредъ и вредъ неисчислимый и невознаградимый для дальнѣйшаго развитія науки и просвѣщенія. О. протопресвитеръ горячо приглашалъ молодыя силы къ научнымъ занятіямъ. О. протопресвитеръ горячо и съ чувственно высказался за дарованіе новыхъ правъ и доли участія въ государственной работѣ представителямъ народа и о необходимости этого въ виду невозможности Государю одному съ своими министрами нести это непосильное бремя; но осудилъ крайнее направленіе среди дѣятелей современной эпохи. При этомъ о. протопресвитеръ съ трогательною преданностью своимъ Вѣщеннымъ духовнымъ Дѣтямъ говорилъ о глубокой религіозности, вѣрѣ, смиреніи, терпѣннн и преданности Божьей волѣ и постоянной молитвѣ Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи. Затѣмъ, въ учительской комнатѣ, въ бесѣдѣ съ наставниками семинаріи, о. протопресвитеръ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу замѣчаемаго всюду, въ томъ числѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ упадка интереса къ наукѣ и поразительнаго стремленія сокращать годовой срокъ учебнаго времени. Сопоставлялъ съ западноевропейскою жизнію, гдѣ часто люди годами трудятся на ученомъ поприщѣ, не имѣя казенныхъ окладовъ и тѣмъ не менѣе выпуская въ годъ по нѣскольку ученыхъ изслѣдованій („Калуж. Епарх. Вѣд.“ № 12).

Новая книга.

Школьный дѣтскій праздникъ.

Сборникъ статей, стихотвореній, дѣтскихъ игръ и нотъ для актовъ, святочныхъ и литературныхъ вечеровъ, рождественскихъ елокъ, и другихъ дѣтскихъ празд. Ц. 75 к. съ перес. 85 к.

Для подарковъ на елку

и раздачи на святочныхъ и литературныхъ вечерахъ предлагается подборъ интересныхъ и полезныхъ книгъ, одобренныхъ и рекомендованныхъ для школъ, войскъ и народныхъ читаленъ въ 3, 5, 6, 8, 10, 15, 20 и 25 к. за книжку.

Выборъ книгъ самый разнообразный—болѣе 50 названій. Многія книги иллюстрированы.

Безплатныя приложенія: листки и картины.

При требованіяхъ сообщать, сколько и въ какую цѣну выслать книжки.

Адресъ: Попельня, м. Павлочь Кіевской губ. свящ. Серапіону Брояковскому.

Содержаніе № 44.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Награды.—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздныя вакансіи.—Пожертвованія въ пользу пострадад. отъ неурожая.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.—У креста Христова.—Зачѣмъ страданіе?—Голосъ священника о церковной проповѣди.—Прозрѣнія О. М. Достоевскаго.—Доступность православныхъ храмовъ.—Одна изъ дѣйствительныхъ причинъ слабаго вліянія духовенства на народъ.—Разныя извѣстія.

Цензоръ Архимандритъ Серій.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Владиміръ Финиковъ.

НОВГОРОДЪ.

Губернская Типографія

1906.